

АЛАЙНА САЛАХ

АМОРАЛЬНЫЙ

Для взрослых

Алайна Салах

Аморальный

«Алайна Салах»

2026

Салах А.

Аморальный / А. Салах — «Алайна Салах», 2026 — (Для взрослых)

— А вы почему здесь сидите один? — Официантка робко присаживается на край дивана. — Ресторан уже закрывается. — Потому что я не хочу ехать домой, — кривлюсь я, глотнув вина из бутылки. — Там пусто. — Вы выглядите не очень счастливым. — Это потому что мне скучно жить. — Скучно? — искренне удивляется она. — В мире ведь столько интересного. — Половину я уже видел и не впечатлён. — А вы никогда не думали о семье и детях? — Я не создан для семьи. Была одна попытка. Но теперь всё, на хрен. — Вам, что, разбили сердце? — сочувственно переспрашивает девчонка, чем вызывает желание на неё наорать. — А ты что, психолог? — Извините, что лезу не в своё дело. — Она торопливо поднимается. — Я пойду. — Подожди, а! Как тебя? Эмма. Поехали ко мне, а? Просто вино попьем и телек посмотрим. Я тебя пальцем не трону, отвечаю. — Думаю, вы слишком хорошо умеете уговаривать, поэтому я не рискну. — она улыбается по-идиотски мечтательной улыбкой. — Я из тех, кто верит в любовь с первого взгляда и хочет выйти замуж. — А секс после свадьбы, да? — иронизирую я. — Да, в идеале так. История Кости из «Строго 18+». Предупреждение: в книге много обценной лексики.

Содержание

1	5
2	7
3.1	9
3.2	10
4	12
4.1	14
5	16
5.1	18
6	20
6.1	21
7	23
7.1	25
8	27
8.1	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алайна Салах

Аморальный

1

– Рекомендую тебе попробовать местный стриплойн, – ярко-красный ноготь девки скользит по строчкам меню. – Я была здесь пару раз. Стейки они готовят просто изумительно. Гораздо лучше, чем в тех же «Паризьен» или «Амаю». А еще салат с ростбифом просто шикарный... Под мерло – самое оно.

– Мне всё, что она перечислила, – буркаю я, мельком взглянув на юбку официантки. – И вино принеси. Только не красное – с него башка трещит, а совиньон какой-нибудь нормальный... Ты сама что будешь?

Лена – кажется, так зовут ту, что притащила меня сюда, – старательно делает вид, что изучает меню.

– Мне пожалуйста, салат с осьминогом, минеральную воду и стейк... – поёрзав на диване, перечисляет она. – На гарнир пюре из сельдерея... Скажите, а у вас Давид Моро есть?

– Да, есть, – пищит официантка.

– Я вот думаю, бокал взять или?.. – Она вопросительно смотрит на меня.

– Принесите бутылку, – раздражённо заканчиваю я. – Белое только сразу. Похмелье задрало.

– У тебя вчера выдался весёлый вечер? – Девчонка подаётся вперёд, видом и тоном напоминая мне мозгоправа, к которому я однажды ходил по совету жены Эрика.

– У меня теперь каждый вечер весёлый.

– Здорово. А чем занимаешься?

– На заводе работаю, – машинально отвечаю я, массируя ноющие виски. Как, блядь, выси-дел в офисе полдня, вообще не понятно. Приполз домой, помню, под утро, зачем-то залез в ванну и очнулся через четыре часа, когда вода стала ледяной.

– Видимо, на заводе теперь хорошо платят, раз уж ты арендовал вип-зону, – хихикает Лена.

– Так половина же с тебя.

Лицо Лены испуганно вытягивается от этих слов – если бы башка так не болела, я бы в голос заржал.

– Шучу, – я забираю со стола телефон, чтобы принять звонок. – Да, Эрик. Да, звонил. Ты где сейчас? Я в этом... – поморщившись, я смотрю на девуку. – Как уж этот рестик называется?

– «Монро», – захлопав глазами, лепечет она.

Про себя я отмечаю, что тёлка вполне симпатичная. Когда она обратилась ко мне на улице под каким-то дебильным предлогом, я особо внимания не обратил. Мне нужна была компания на вечер, и в целом сошла бы любая, кто весит меньше центнера. Волосы, кожа, фигура – всё на уровне... Только губы чересчур дутые, как и сиськи, что навеивает мысли о порнухе. Да и похуй. Встречаться с ней ещё раз в любом случае не придётся.

– В общем, в «Монро» я... – Я делаю знак появившейся официантке с подносом, чтобы сразу разлила. – Давай пригоняй. Нет, не один. С подругой... Нет, ты её не знаешь. Блядь, я на допросе, что ли?! Короче, приезжай. Стол в випке.

– Кто должен приехать? – обеспокоенно интересуется Лена, когда я возвращаю трубку на стол.

– Друг мой, – поясняю я. – Дома с женой сидеть заебался.

Её взгляд прилипает к моему безымянному пальцу.

– А ты, я так понимаю, не женат?

– Для тебя имеет значение? – переспрашиваю я, ухмыльнувшись.

– Да нет. Мы же просто сидим, общаемся... О, вот уже и салаты несут! – Её рот расплывается в неестественно широкой улыбке, будто официантка тащит не салаты, а витрину Картье. – Всё-таки здесь первоклассное обслуживание!

Её фальшивые восторги и скучные фразы начинают раздражать, поэтому я переключаю всё внимание на вино. После пары бокалов гудение в башке стихнет, и мир, как людей, станет наконец проще выносить.

– Так где ты всё-таки работаешь? – не сдаётся Лена, пока в преувеличенно аристократичной манере ковыряется в щупальцах морских гадов.

– Сказал же: на заводе, – я с наслаждением вливаю в себя охлаждённый совиный, ощущая, как виски отпускает. – Сама-то чем занимаешься?

– Учусь на пятом курсе филфака. Через полгода получу диплом.

– И дальше что? – хмыкаю я, повторно запрокидывая горлышко бутылки над опустевшим фужером. – В школу работать пойдёшь?

– Я пока не думала... – фыркает Лена. – Но профессий в любом случае много.

– Короче, продолжишь заниматься всё той же хернёй, пока тебя не подхватит какой-нибудь папик, – заключаю я.

Её лицо покрывается красными пятнами.

– Откуда такие выводы обо мне? Сейчас я только учусь и нигде не работаю.

– Пиздеть уже необязательно, – успокаиваю я, окончательно справившись с похмельем и оттого подобрев. – То, что ты мужиков разводишь на крупные чеки, чтобы комиссию от заведения получить, мне вообще по хую. Домой ехать не хочется, поэтому я готов платить за компанию. Потратить готов до хуя. Поэтому заканчивай строить из себя целку на первом свидании и отработай гонорар так, чтобы зевать не хотелось. Я сюда ради веселья пришёл, а не местную жратву и обслуживание обсуждать.

Повисшую паузу я заполняю тем, что пью. С услугами консуматорш я познакомился ещё лет двенадцать назад в одном испанском клубе и неплохо провёл время. У местных разводить на бабки с огоньком получается, а у наших – как у тех же тарелочниц.

– Я тебя поняла, Костя, – со скрежетом выдавливая Лена.

– Имей в виду, что мужики терпеть не могут, когда их держат за придурков. А среди тех, кто с баблом, придурков вообще мало, а охуевших – пруд пруди. Узнают, что ты разводила – и в рот и жопу напихают, и ещё и счёт оплачивать заставят. – Я касаюсь её фужера своим. – Ну, давай, за хороший вечер, хуле.

2

– На каникулы хочу с семьёй на Хайнань поехать, – Эрик затягивается кальяном, который здесь якобы запрещён. – Толик ездил, в восторге остался. Не хочешь?

Я машинально убираю опустевшую бутылку под стол и жму кнопку вызова официантки, спяну не заметив, что она уже вошла в випку.

– И что я там делать с вами буду? Киснуть у бассейна и уроки ваших пиздюков обсуждать?

– А возьми с собой кого-нибудь, – Эрик многозначительно смотрит на Лену, которая на деле оказалась Алёной – выяснилось, когда я стал её представлять. – Есть же у тебя компания.

Залпом осушив очередной бокал, я исследую профиль своей соседки и мысленно кривлюсь. Не, на хер. На один вечер сойдёт, но терпеть её силиконовые бидоны перед своим лицом две недели... Если бы я любил огромные буфера и большие жопы, то позвонил бы Наде. Но на неё у меня не стоит. Проверено.

– Вам вино повторить? – раздаётся над головой тонкий голос официантки.

Я поднимаю глаза. Она шуршит вокруг нас уже часа три, так что её лицо можно и рассмотреть. Видимо потому, что я выжрал три бутылки вина, оно кажется мне красивым.

– Тебя как зовут? – спрашиваю я вместо привычного «Да, повтори».

– Эмма, – лепечет она, тыча пальцем в бейджик.

Ей, похоже, лет двадцать-двадцать два максимум. Как раз тогда началась мода на выёбистые имена.

– Хочешь поехать со мной на Хайнань?

Эмма растерянно моргает.

– Спасибо большое, но я не могу. Работаю и мама болеет. Вам вина ещё принести?

Отвалившись на спинку дивана, я молча киваю. Вот и я тоже думаю: в пизду этот Хайнань. Лучше улететь на Кубу.

– Милашка такая, – Эрик провожает официантку похотливым взглядом. – Как её? Эмма?

Этот сам себя кастрировал пятнадцать лет назад женитьбой, но периодически срывается. А после очередного траха на стороне из чувства вины заваливает жену подарками и на полгода превращается в образцового семьянина. Поэтому я, на хер, никогда не женюсь.

– А вы давно друг друга знаете, да? – Алёна, повеселевшая оттого, что счёт перевалил за шестизначную сумму, наклоняется ко мне, задевая лицо волосами.

– Давно. Это единственный человек, которому могу доверять.

– И что, других, достойных доверия нет?

Я криво ухмыляюсь. Не-а. Даже близко. Родной батя и тот оказался жадной до бабла шавкой.

– Всё-таки мужская дружба – это так красиво.

После этих пафосных слов приходится повернуться к Алёне, чтобы понять, чего она на самом деле от меня хочет. На Хайнань? Туда определённо тоже, но это не основное. Рассчитывает развести меня на бабки? Так я пока и не торможу вечеринку, а папиком ещё на старте быть отказался.

Она оттягивает воротник топа и дуёт в него, делая вид, что ей жарко. Но в випке-то хучат кондиционеры, из чего я делаю вывод, что так она меня клеит. Хер знает, почему с большинством тёлок так работает. Я не пытаюсь ухаживать, говорю всё подряд и к концу вечера стабильно ловлю взгляды «Я тебе дам».

– Подрочи мне, – предлагаю я, решив, что пора как-то разнообразить пьянку.

Рот Алёны возмущённо округляется.

– Что, прости?

– Ты слышала. – Я наклоняюсь к её уху и повторяю. – Расстегни мне ширинку и подрочи.

– Я таким не занимаюсь, – лепечет она тихо, что приходится напрягаться, чтобы расслышать.

– Целка и не драчишь? – со смешком уточняю я. Я бухой, и происходящее меня забавляет.

– Не в этом дело. Я не занимаюсь таким в публичных местах.

– Это же випка. Здесь кроме Эрика больше никого.

– Он сидит напротив, – шепчет Алёна, нервно заёрзав.

– И какая нахер разница. Этот попятится немного, но точно не тронет... – Ощувив нетерпение, я нащупываю её запястье и кладу себе на ширинку. – Давай, а то вечеринка становится скучной. Накину тебе компенсацию за дополнительные услуги.

Её рука безвольной тряпкой лежит на моих брюках, но потом приходит в движение и тянет молнию вниз. Я жмурюсь от кайфа, когда тёплые пальцы обхватывают член у основания.

Дрожит Алёна не слишком умело, но суть затеи не в этом, а в самом факте. Каждый день мне скучно жить, и нужен адреналин, чтобы не сдохнуть от депрессии. Путешествия, бесконечные тусовки, шлюхи – всё только для этого.

Эрик следит за нами из-за бокала с вином и, разумеется, всё видит. Зрачки расширены, взгляд поплыл. Предложи я Алёну сейчас – разложил бы её прямо на столе. Это ему не жену трахать в миссионерской позе.

– Если прямо сейчас отсосёшь, получишь половину от счёта, – говорю я Алёне, не пытаясь понижать голос.

– Нет, это я точно не могу... – мямлит она.

Вместо ответа я нащупываю ладонью её затылок и толкаю к ширинке. Алёна мотает головой, но уже в следующую секунду с глухим мычанием заглатывает член и начинает смачно сосать.

Я опускаю ладонь на ее дергающуюся голову и с усмешкой смотрю, как проступает кадык на шее у Эрика.

Не происходит ничего из того, о чём бы я не знал ещё на входе сюда.

3.1

– Ну что, куда мы дальше? – Алёна пробегается пальцами по рукаву моей рубашки, вызывая неприятный кожный зуд.

– Я здесь остаюсь. Ты – хер его знает куда. Денег на такси тебе теперь точно хватит. – Я киваю на её палёную барсетку от Луи, куда она загрузила отработанную пачку.

Алёна подсакивает с дивана, но тут же замедляется и начинает долго-долго натягивать пиджак. Этим она ещё сильнее меня бесит. Её компания стала лишней сразу после отсоса, но она продолжала сидеть рядом и старательно изображала мою тёлку.

Это моя вечная проблема. Получив желаемое, я сразу же теряю к нему интерес. Адреналин падает, и остаётся всё та же апатия, умноженная вдвое.

– Что, уже уходите? – Покачивающийся Эрик возвращается в випку с телефоном в руке. Опять пиздел жене, что задерживается на работе.

– Проводи её, а? – кивнув на Алёну, я затягиваюсь кальяном и раздражённо сплёвываю. – Блядь, угли сдохли. Где этот копчёный алладин ходит?

– Тебе куда, Алён? – почуяв халяву, Эрик расправляет плечи. Секунду назад был вялый в стельку, и сразу – не ебаться рыцарь. – Могу отвезти.

– Ты за рулём? – оживляется Алёна.

– Конечно. Машина у входа стоит.

Я подтягиваю к себе бутылку. Тёлок вроде неё будто на каком-то херовом китайском заводе штампуют. Кузов прикольный, а внутри – два винтика и ни одного болта. Она же бабок нормально подняла, и такси за косарь точно может себе позволить. На хера ей катить домой с бухим Эриком, который её выебет на заднем сиденье? Ни гордости, ни мозгов. Хотя в целом мне вообще похуй. Пусть родители о ней парятся.

А вот Эрик – другое дело.

– Если ты бухой в столб вхуячишься, я сопли твоей жене и детям вытирать не буду, – предупреждаю я, вытягивая руку. – Ключи сюда дай и пиздуйте на такси.

– Ой, хорош. Мне же не двадцать лет, – придурковато скалится Эрик.

– Дай сюда, говорю! – Я наклоняюсь к нему, но меня ведёт, и приходится ухватиться за подлокотник дивана. – Завтра я буду трупом, так что кто-то живой должен провести совещание.

3.2

Ключи Эрик всё-таки отдаёт, и они вместе с Алёной сваливают из випки.

Мой взгляд бесцельно скользит по батарее пустых бутылок и нетронутым тарелкам со жратвой, рука щупает карманы в поисках пачки. Если кальящик ебёт мозги, я имею право здесь закурить.

– Извините, пожалуйста... Но курить сигареты тут точно нельзя, иначе меня оштрафуют, – раздаётся откуда ни возьмись жалобный голос официантки.

Не донеся зажжённое пламя до чапмана, я медленно оборачиваюсь и вижу её, глазеющей на меня из угла.

– Давно тут стоишь?

– Нет, – испуганно заверяет она. – Зашла, как только ваши друзья попрощались.

– Ясно. – Я нехотя убираю сигарету за ухо и киваю на место напротив. – Ну-ка, сядь.

Помедлив, девчонка отрывается от стены и робко присаживается на край дивана, не забыв натянуть подол юбки на колени. Как будто я планировал туда глазеть.

– А вы почему здесь сидите один? Ресторан уже закрывается.

– Не хочу ехать домой, – я глотаю вино из бутылки и зачем-то добавляю: – Там пусто.

– Вы не выглядите счастливым.

– Конечно не выгляжу, – усмехаюсь я. – Мне скучно жить.

– Скучно? – искренне удивляется она, будто не считает такое возможным. – Но в мире ведь столько интересного.

Не был бы я настолько бухим – хера с два вёл бы этот разговор «по душам» с этой малолеткой. Но другой компании у меня нет, а разговор в данный момент – единственный способ не остаться один на один со всем своим внутренним говном. К тому же это даже забавно – слышать её детские комментарии.

– Половину я уже видел и не впечатлён.

– А вы никогда не думали о семье и детях?

Блядь, эти бабы. У них на всё одно решение: надо завести семью. Лично я не встречал ни одного мужика, который резко повеселел, когда женился. Эрик вон до ночи с работы не вылезает, лишь бы дома не торчать, и вечно какие-то командировки себе выдумывает. А батя за пять лет бесперебойной срачки с матерью поседел на полбашки.

– Я не создан для семьи. Была одна попытка, – я вытряхиваю в бокал остатки вина из бутылки. – Но теперь всё, на хрен.

– Вам, что, разбили сердце? – сочувственно переспрашивает она, чем вызывает желание на неё наорать.

Чего до меня доебалась эта недоросль? Что нынче за мода: каждый разговор превращать в сеанс психотерапии? Спросила бы в конце концов, какие позы я люблю, или что думаю о налоге на бездетность.

– А ты что, психолог? – цежу я сквозь зубы.

– Извините, что лезу не в своё дело, – захлопав глазами, она поднимается. – Я лучше принесу вам счёт.

Ближайшее будущее проносится перед глазами вспышкой дежавю. Пустой стол, задний диван такси, унылая тишина дома, холодные простыни.

– Подожди! – рывкаю я, глядя на её удаляющуюся спину. – Как там тебя? Эмма...

Резко остановившись, она оборачивается. Лицо растерянное, пальцы вцепились в передник.

– Поехали ко мне, а? – от заискивания в собственном голосе меня натурально воротит. – Вино попьем и телек посмотрим. Я тебя пальцем не трону, отвечаю.

– Думаю, вы слишком хорошо умеете уговаривать, поэтому я не рискну. – Она улыбается, и эта улыбка вдруг становится по-идиотски мечтательной. – Я из тех, кто верит в любовь с первого взгляда и хочет счастливо выйти замуж.

Блядь, она эльф из сказки. Её ровесница только что отсосала мне на глазах у Эрика, а эта рассуждает о любви с первого взгляда. Не удивлюсь, что с такими взглядами она до сих пор целка.

– И секс после свадьбы, да? – уточняю я ради стёба.

Эмма кивает, не переставая давить из себя смущённую улыбку.

– Да. В идеале – так. Сейчас я вам счёт принесу.

Несколько секунд я тарашусь на пустой бокал, заляпанный красной помадой, затем нащупываю валяющийся на диване пиджак, достаю оставшиеся купюры, выбираю четыре крупных и кидаю на стол. Пусть компанию мне Эмма не составила, но обслуживала годно. Недобитому арабу стоило бы поучиться.

Следующий шаг – придумать планы на ночь. Я беру телефон, проматываю записную книжку и останавливаюсь на номере Светы. «Света тройник» – так она у меня записана. Её Надька толстожопая когда-то с собой притаскивала – примерно полгода назад. Так вот эта Света мне полвечера намекала, что обожает развлекаться с телками. Я её контакт записал на всякий случай – думал, вдруг Дианку на тройник уломаю.

– Алло... Да, это Костя. Что делаешь? – я откидываюсь на диван. – Ну если так поздно, то могла и не брать. Короче, ты занята или нет? Если нет – бери подругу и приезжай в гости. Да, тот дом за городом с бассейном. Да, бухла навалом. Только давай без Нади. У меня на неё не стоит.

4

Морщась от долбёжки в висках, я продираю глаза и первое, что вижу – спутанную рыжую паклю и плечо с разноцветной татуировкой. Со стоном переворачиваюсь на другой бок в надежде избавиться от этого вида и упираюсь глазами во второе голое тело. Да еб твою мать.

Куски вчерашнего вечера всплывают в памяти как говно в унитазе. Приезжает Светка с подругой... Мы бухаем на кухне под какое-то отвратное музло. Обе похожи на актрис из порно. У одной пирсинг в сосках, у другой – татуха в полспины.

Страхнув с себя Светкину руку, пытаюсь сесть. Перед глазами сразу темнеет, и хочется блевать. Ей богу, проще сдохнуть, чем проснуться.

На часах половина двенадцатого утра. Всё, что до полудня, вроде принято называть утром.

Осторожно, чтобы не делать резких движений, отрываю задницу от кровати, но гравитация побеждает, и встать получается только со второй попытки.

Отпихнув ногой использованный гондон, я ковыляю на кухню. Мне нужна минералка... А ещё лучше томатный сок.

Солнечные лучи херачат в лицо через окна гостиной и вызывают новый приступ тошноты. Я стягиваю с дивана плед, накрываю им башку и, пошатываясь, продолжаю пробираться к водопою.

На кухне – полный срач. Пустые бутылки из-под шампанского, размазанная по столешнице икра, пепельница, забитая окурками. Там же валяются мои брюки и чьи-то красные кружевные трусы.

Поморщившись от ломоты в черепе, я переступаю через них и открываю холодильник. Томатного сока нет, но хоть боржоми на месте.

Я жадно заглатываю содержимое бутылки, пока вспышки из вчерашней ночи щёлкают в мозгах. Эта... Лара, что ли, в танце стаскивает с меня штаны и начинает сосать... У меня то и дело падает, поэтому за дело принимается Светка...

Потом вроде была кровать... Я бьюсь башкой о торшер, пока ищу презервативы... С гондонами – это я кстати, молодец. Потекший кран в моём двухмесячном загуле точно будет лишним.

Осушив бутылку, я швыряю её в мусорное ведро, нахожу на столе пачку, выбиваю сигарету и прикуриваю. Дом и без того провонял, поэтому я выхожу на террасу и, ежась от ледяного ветра, опускаюсь на шезлонг. Без трусов, но и похуй. Если соседским пиздюкам захочется пилиться на мои яйца – сами виноваты.

Вторая затяжка так даёт по мозгам, что откатывает меня до состояния овоща. Курение с похмелья – это особый вид мазохизма, от которого я почему-то не могу отказаться.

Надо завязывать с этой хуйнёй... Я про сигареты. У бати брат – дядька мой – по пачке курил и в итоге в сорок пять сдох от рака лёгких. Даже опомниться не успел – сразу четвёртая стадия с метастазами в печень.

Ёбанная привычка, короче... От вина хоть приход есть, а от этих папирос – ничего, кроме вони. И всё равно, стоит бухнуть или понервничать – рука тянется к пачке. Парадокс.

Затушив окурочку о болт в шезлонге, я окидываю взглядом бассейн. Хотя бассейном он был пару месяцев назад, а сейчас это грязное болото. Надо перестать ебать мозги и вызвать службу очистки, пока здесь ондатры не завелись.

Так... Теперь, пока желудок не облился кислотой, надо что-то в него закинуть. Хотя нет. Сначала надо сходить в душ.

Я на автомате прусь в спальню, но при виде двух голых жоп разворачиваюсь и иду в гостевой. Как было бы заебись, если бы тёлки испарялись по щелчку. Очнулся, увидел, щёлкнул пальцами – и всё, ты опять один.

– Бляяя... – поравнявшись с зеркалом, я морщусь при виде своего отражения. – Ебать я чучело.

Глаза красные, рожа опухшая и в пятнах, как будто мне не сосали полночи, а пиздили. И тощий стал, как Кашей. Реально пора с пьянками завязывать. В рехабе прокапаться и на неделю укатить в какую-нибудь спа-гостишку, пока цирроз не жажнул.

4.1

После душа становится гораздо лучше. Настолько, что даже мелькает мысль накатить холодного просекко.

Нет-нет, чур меня. Если хоть капля попадёт в глотку – считай, что день насмарку, а мне ещё в офис заехать надо. Эрик и так в последнее время всё на своём горбу тащит.

Замотавшись в полотенце, я выхожу на кухню и обнаруживаю там жопу в стрингах, приклеенную к холодильнику. Одна очнулась.

– Что ищешь? – спрашиваю я, чтобы заявить о своём присутствии.

Лара – или как её там – резко оборачивается.

– Ой, доброе утро! – её рот, распухший то ли от инъекций, то ли от ночного минета, раздвигается в глупой улыбке. – Ищу что-нибудь попить.

Я чувствую страшное раздражение. Во-первых, потому что при трезвом дневном свете она ещё больше похожа на звезду порнухи со своим загаром и пирсингом во всех ненужных местах. Во-вторых, я всё ещё не хочу никого видеть.

– Минералка там... – я мрачно киваю на холодильник. – Не эта дверь, а другая.

Опускаюсь на стул и жду, когда она напьётся, возьмёт подмышку Светку и свалит.

Но хуй там. Лара решает поговорить.

– У тебя красивый дом, – выдаёт она, садясь напротив. – Давно тут живёшь?

– Давно, – цежу я, глядя, как её проколотые соски ложатся на замызганную столешницу. – Света уже встала?

– Да, она там умывается... Здесь летом, наверное, та-а-а-к красиво...

Я не хочу поддерживать никакого разговора, поэтому молчу. После того как эти съедут, вызову клининг, чтобы всё отпидорили, позвоню в службу очистки бассейнов и смотаюсь на завод. Потом на дом капельницу вызову и неделю не буду бухать. И если продержусь, через полторы-две недели умотаю на Кубу.

– Привет-привет!! – до омерзения весёлый голос Светки вторгается в мой план. – Уф-ф, какая весёлая ночка была... Костян, ну ты как? Головушка бо-бо?

Вот чем она мне нравится в отличие от своей продырявленной подружки, так это тем, что наутро остаётся собой и не пытается говорить со мной о природе. Проблема всех тёлочек, с которыми я в последнее время имею дело, – это то, что по натуре они бляди, ведут себя как бляди, но почему-то пытаются это скрывать. Поучились бы у Светки: эта всё признала и спокойно с этим живёт. Может быть, даже позвоню ей ещё как-нибудь. Если не потрахаться, то просто побухать.

Так я думаю до того, как к ней поворачиваюсь.

Светка стоит напротив в трусах и футболке, которая кажется мне смутно знакомой.

– Что это? – я киваю на рисунок спанч-боба, неестественно растянутого на её габаритных сиськах.

– Ты о чём? – Светка непонимающе вскидывает брови. – А, ты про футболку? Она в гардеробной лежала. Рубашку свою убей найти не могу.

В ушах поднимается гул, который с каждой секундой всё нарастает. Это же Дианкина футболка. С этим дебильным спанч-бобом. Она дома её таскала вместо пижамы.

– Снимай, дура... – цежу я, чувствуя, как под темечком подгорает.

Светка растерянно хлопает глазами.

– Что? В смысле?

– Снимай, бля!!! – ору я, вьебав кулаком по столу. – Какого хера ты вообще что-то здесь берёшь?! Ты кто такая, нахуй?!

– Придунок больной... – испуганно бормочет Светка, стаскивая с себя футболку. – Ларис, пойдём...

Гнев взрывает виски, под рёбрами ломит. Сука... И ведь нашла же где-то...

– Я думала, мы чай попьём и телек посмотрим... – лепечет вторая.

– Уёбывайте, – хриплю я, поворачиваясь к ней. – И чтобы ноги здесь твоей больше не было.

Токая босыми пятками, они сбегает из кухни, а спустя минут десять хлопает входная дверь.

Попялившись себе под ноги, я наклоняюсь и поднимаю футболку. Жёлтая губка с глазами ржёт мне в лицо. Я мну в кулаке его рожу, подхожу к мусорке и бросаю футболку туда. Надеюсь, это последняя её вещь и других не обнаружится.

5

Хер знает, сколько времени я лежу, пялясь в телек, пока телефон не начинает жужжать где-то в ногах. Я подталкиваю его к себе пяткой, чтобышний раз не поднимать ноющую голову, и вижу номер Эрика.

– Ну ты как там? – его голос в динамике звучит так громко, что в ушах противно звенит. – Живой?

– Башку хочу себе отрезать, а так нормально. Как совещание?

– Прошло. С «Востокгазом» вроде укладываемся в сроки, если, конечно, с оборудованием накладок не выйдет.

– Какие, блядь, ещё там могут быть накладки? Только редуктор менять закончили. Катусек же партия пришла?

– Да, вчера выгрузили. Я больше за ножи переживаю.

– А хуле за них переживать, Эрик? – раздражённо рявкаю я, на автомате приподнимаясь. – Договаривались же держать несколько комплектов на складе.

– Нет, один-то есть...

– Ну а если сразу две из строя выйдут?! Ты, блядь, как будто первый год на заводе и не в курсе, во сколько неделя простая обходится.

– Мы же с Олегом договорились, что они будут под нас всегда на складе держать, – монотонно бормочет Эрик. Этого моим ором не проймёшь – поэтому, видать, и дружим.

– Блядь, этот Олег сегодня есть, а завтра нет... И вот эту лабуду отечественную, которая через неделю раскрошится, пусть себе в жопу засунет. Пусть поставит нормальный японский комплект или на хуй идёт.

Почувствовав, что перегрелся, я снова отваливаюсь на подушку. Стоило только заговорить громче, как мозги превратились в холодец.

– Сегодня тогда Табрис с ним свяжется. Ты скоро в офис подъедешь?

– Через час, наверное, – буркаю я, бросая взгляд на часы. – Я нужен?

– Мне ключи от машины скоро понадобятся. Которые ты у меня вчера забрал. Помнишь? Вроде что-то вспоминаю. Да, точно. Когда Эрик вызвался ту минетчицу до дома сопроводить.

– Да, завезу скоро... – поморщившись, я поднимаюсь с дивана. – Ты как добрался-то? Удачно?

– Алёну проводил до подъезда, – Эрик гогочет как гиена, давая знать, что её он всё-таки выеб. – Дома тоже всё путём.

– Ну и заебись. – Я плетусь в гардеробную за свежей рубашкой. – Короче, скоро буду. И это... пусть Тамара закажет что-нибудь пожарать. А то у меня дома даже мыши, блядь, с голоду сдохли.

– Сделаю. Ну всё тогда, давай жду.

Дальше обнаруживаются две проблемы. Ключей от тачки Эрика не находятся, и такси за мной ни хера не едет. Эрик мне уже месяц мозг трахает разговорами о водиле, который будет меня возить – и бухим, и трезвым. Но как представляю, что сижу на заднем диване как домашний бульдог – аж передёргивает. Езда за рулём – это хоть какой-то драйв. Как в тапку дашь – сразу адреналин прет, а если кто подрежет – так тем более.

– Двадцать минут до прибытия... – проверив приложение такси, я раздражённо швыряю телефон на диван. – Из Караганды он, что ли, сюда пиздуёт.

Так, если проблема с доставкой моей туши снята, остаётся вопрос с ключами. Даже думать не хочу, что их проебал. На Эрика можно наорать – он и ухом не поведёт, но если речь

о его ненаглядной бэхе – он как баба скулить начинает. Месяц назад зеркалом кого-то затер, целый час кипишил, и потом газанул в детейл-центр.

Короче, надо заехать в рестик, где мы вчера сидели, и узнать у них про ключ. Я таким невменяемым от них уезжал, что запросто мог забыть.

5.1

При взгляде на вывеску «Монро» башка начинает гудеть с удвоенной силой. В мыслях запретив себе опохмеляться, вхожу внутрь и шарю глазами по залу. В три часа дня здесь никого – ни посетителей, ни даже администратора.

У них тут, похоже, всего два нормальных сотрудника: девчонка, которая нас обслуживала, и консуматор Алёна, не брезгующая сосать особо дорогим гостям.

– Але! Есть тут кто-нибудь?

Штора рядом со стойкой трясётся, и через секунду из-за неё выплывает та самая официантка.

При виде меня так испуганно округляет глаза, что приходится задаться вопросом, не наговорил ли ей лишнего, бухой, и не пытался ли лапать. Вспоминаю: лапать точно не пытался, только с собой поехать звал. Она отказалась, потому что ждёт принца и с высокой вероятностью – целка.

– Здравствуйте! – девчонка берёт себя в руки и наконец улыбается. – Константин ведь, да? Вы, наверное, за ключами от машины?

Заебись. Геморрой с заказом второго ключа и грустная рожа Эрика – это то, с чем мне теперь точно не придётся иметь дело.

– Да, я вроде оставил... – говорю я, на автомате глядя, как её задница, обтянутая синей юбкой, скрывается за шторой.

Нормальная такая. Не тощая, но и не огромная. Сиськи, кстати, тоже не маленькие, но, по крайней мере, натуральные. Вообще, если её примарафетить – даст тёлкам вроде Алёны фору. Интерьер у неё годный, а вот вложений – ноль.

– Вот, пожалуйста! – девчонка выскакивает запыхавшаяся и кладёт на стойку ключи. – И ещё...

Я с непониманием разглядываю купюры, которые она, вытащив из передника, протягивает мне.

– Вы вчера на столе оставили.

Мои мозги вращаются со скрежетом. Оставил на столе? Совсем дура? Или впервые видит чаевые наличкой?

– Себе оставь, – отрезаю я, глядя в её сверкающие идиотизмом глаза. Карие и большие. – Это было на чай.

– Я поняла, что на чай... Но это очень много... – она неуклюже дёргает рукой, из-за чего задевает купюрами моё запястье. – Счёт и так был огромный, а вы его ещё и в одиночку закрыли.

В эту секунду она меня дико бесит. Что, блядь, за самодеятельность такая? Раз положили – бери и не рыпайся. На хуя чужие деньги экономить? Ты же в службе работаешь. Зарплаты в таких местах копеечные, основные бабки – это чаевые. Точно она дура. Дура старательная.

– Убери, – цежу я, смазывая с её лица улыбку. – С подружками можешь копейками перекидываться. Со мной не надо.

– Извините, пожалуйста... – лепечет она, явно перетрухнув. – Я просто подумала... Знаете, как бывает: вечером люди много тратят, а наутро жалеют.

Заболтушка, еб твою мать. Не была бы такой жалостливой – глядишь, не пришлось бы пахать две смены подряд.

– А тебе какое до этого дело? Если много тратят – значит, могут себе позволить. А если тратят, когда не могут, – значит, конченные долбоёбы. А долбоёбов нельзя жалеть. Их стрелять надо.

– Похоже на жизненный совет, – мямлит она, пряча руку с купюрами за спину. – Спасибо вам большое. Деньги мне сейчас не лишние.

– А кому они лишние? – усмехаюсь я и лезу в карман за телефоном. Скажу Эрику, чтобы сюда пригонял поесть. Не хочу остывшую жратву из контейнеров лопать.

– Хорошего вам дня! – радостно несётся мне в спину.

Обернувшись, я киваю на стол у окна и делаю знак, чтобы шагала за мной. Девка, конечно, блаженная, но на фоне Алёны и прочей гламурной швали приятно выделяется. Раз уж так нуждается, пусть заработает себе процент от счета.

6

– Ничего себе ты проголодался, – Эрик удивлённо оглядывает стол. – Неужели так много вчера калорий съёл?

– Даже если и много, то всё равно ни хера не вспомню, – я киваю на противоположный стул. – Садись давай. Жратва тут на четыре с минусом, но борщ зачётный. Я тебе заказал.

– А чего ты сюда тогда приехал, если еда средняя? – хмыкает он, придвигая к себе тарелку.

– Ключи, потому что твои проебал. Как кисляк на твоей роже представил, сразу сюда погнал. Думал, вдруг найдутся.

Глаза Эрика становятся такими перепуганными, что хочется ржать. После борща и бутербродов с форшмаком заметно полегчало, так что эта опция снова стала доступной.

– Пиздец... – обречённо лопочет он. – И что теперь делать?

– Да вот они, не ссы... – я вытаскиваю ключи из кармана и подталкиваю к нему. – Официантка, которая нас вчера обслуживала, нашла.

Как только ключи оказываются у Эрика, тот моментально обмякает, глаза снова блестят.

– Уфф, я уж испугался. Официантка, это которая Эмма? – он крутит головой по сторонам.

Имя запомнил, гляди-ка. И похуй на то, что бухой в хламину был и Алёну драть уехал.

– Да, она. Поэтому чаевые ей оставь.

– Оставлю, конечно. Хотя стоп... – Эрик с ухмылкой трясёт в воздухе пальцем. – Это ж ты у меня их забрал.

– Чтобы башку твою от сотрясения спасти, – напоминаю я, глотая лимонад. – Не слышу, блядь, твоего спасибо.

– Спасибо, Костя, – гундосит он со стёбом. – Лучший ты из людей. Покровитель бедных официанток.

Я смотрю на него исподлобья.

– Это ты к чему сейчас сказал, не пойму?

– Да это шутка. Но закономерность определённо прослеживается.

– И какая, интересно?

– Ладно, проехали. Ты как сегодня? Снова гудишь или сразу домой?

– Нет, с гудежом пора заканчивать. А то если сдохну – батя в кресло гендира залезет и пизда заводу.

– Ты уж давай не дохни... – взгляд Эрика становится обеспокоенным. – Что он там, кстати? Не быкует больше?

– Хер его знает. – Я раздражённо ломаю зубочистку и швыряю её на стол. – Я ему как бабок перевёл, сразу в бан кинул, чтобы кровь мне не сворачивал. Как прожрёт – так появится.

– Вот не неймётся же человеку. Четырнадцать лет сидел. Вроде ходи и радуйся жизни... Ему же, кстати, даже шестидесяти нет, вроде? Ещё и жениться может.

Скривившись, я наблюдаю, как грудь Эммы нависает над столом, когда она ставит графин с лимонадом.

– Он по саунам с братвой и шлюхами таскается. На хер ему жениться.

– А завод ему тогда зачем? Там же головняков выше крыши, в которых он ничего не понимает.

– Потому что тупой как чёрт и башкой в девяностых застрял. Думает, что дела по-прежнему рамсами решаются. Да они и тогда-то не решались, иначе завод бы в такой жопе не был.

6.1

При мысли о батиных попытках отжать завод, я снова завожусь и хочу курить... Сука... А ведь только час назад решил бросить.

– Вам что-нибудь ещё принести?

Я поднимаю голову и упираюсь в вопросительный взгляд Эммы.

Сколько ей всё-таки? Кожа, выражение глаз – как у школьницы, а всё, что ниже, – лет на двадцать пять. Хотя сейчас соплюхи такие развитые, что хер просышь их возраст. Бля, надеюсь, ей есть восемнадцать. Я только недавно узнал, что несовершеннолетних официантами берут.

– Счёт принеси. И найди сигареты, а? Может, кто-то из ваших местных курит.

– Ладно... – неуверенно кивает она, явно растерявшись. – Сейчас попробую.

– Давай... – взгляд ненароком проваливается в вырез её рубашки, и приходится силком его оттуда вытаскивать.

Нет, вдруг ей реально пятнадцать? Я когда был пиздюком, видел, как сосед с первого этажа свой хер сопле восьмилетней за гаражами показывал и зазывал: мол, не бойся, потрогай. А та ещё с отклонениями какими-то была... Короче, зрелище было такое мерзкое, я на всю жизнь запомнил. Помню, даже к бате побежал. Он отмахнулся: не хуй ныть, собирай чеграшей и сам разбирайся. На следующие сутки я и ещё трое пиздюков с улицы этого мудозвона нашли и битами отпиздили. Рёбра переломали, харю – в месиво, яйца я ему лично пяткой отбил. Как тот не сдох – хуй его знает. Зрелище было настолько отвратным, что я потом плевал весь вечер. Короче, педофилом быть неохота.

Протянутая пачка заставляет меня снова задрать голову.

– Вот, пожалуйста, – обходительно блеет Эмма. – Не знаю, курите ли вы такие, но лучше ничего не нашлось.

Ой, да хуле гадать о её возрасте, когда можно спросить.

Я вытряхиваю сигарету из пачки и возвращаю ей.

– Слушай, а тебе сколько?

Она краснеет.

– Двадцать четыре. А что?

Говорю же, сейчас девок не разберёшь – пятнадцать им или тридцать. Но то, что Эмме за двадцать – это прямо облегчение. Можно пялиться на жопу и не париться.

– Ну что, я поеду тогда? – Эрик откладывает вилку и смотрит на часы. – Младшую надо из музыкалки забрать.

– Давай. На чай оставить не забудь.

Усмехаясь, Эрик открывает бумажник и кидает на стол штуку.

– Ты хуле жмот такой... – ворчу я, выдёргивая у него ещё три косаря. – Тебе бы новый ключ в полтос минимум обошёлся.

Эрик прячет бумажник и ржёт.

– Напоминаю, что не я его терял.

– Ладно, пиздуй уже в свою музыкалку. Сегодня в офис уже не поеду. Завтра.

При виде чаевых Эмма снова краснеет, как будто увидела стояк, а не деньги.

– Спасибо большое... Вы самый щедрый наш клиент.

– Это не я, а мужик, который ушёл, – я поднимаюсь. – Опять, что ли, сегодня до ночи на смене?

Эмма трясёт головой.

– Нет, у меня смена полчаса назад закончилась. Сейчас домой поеду.

А мне, чтобы домой попасть, надо сначала тачку с парковки забрать. Но для начала покурить.

Высосав сигарету в три затяжки – не потому что легко курится, а потому что на улице дубак, а я, придурок, в одной рубашке, – топаю к паркингу.

В Порше воняет табаком и бабами, поэтому решаю заехать на мойку. Хату к вечеру тоже отпидорят, и останется только себя привести в порядок.

Настроение реально стало лучше. То ли дело в борще, то ли в том, что я принял решение не бухать.

На повороте на главную, как обычно, встаю в пробку. Сука, времени ещё пяти нет. Куда все намылились-то? Тунеядцы ебучие.

Врубаю новостное радио и от скуки смотрю по сторонам. Взгляд цепляется за фигуру в коричневом плаще, по-сиротски слоняющейся вдоль остановки. Приглядываюсь – и точно. Это ж заботушка-официантка.

Поток трогается, и я вместе с ним. Похуй, пусть катит на маршрутке. Я одну уже подвёз однажды и встрял на шесть лет. Теперь вот спиваюсь.

Впереди загорается красный, и мою тачку как назло ровняет прямо с остановкой. Она нервничает, смотрит то в телефон, то на дорогу. А позади пробка километра четыре – не меньше. Через час в лучшем случае увидит свою маршрутку.

Вздохнув, я выкручиваю руль вправо и открываю пассажирское окно:

– Эй! Эмма! Садись – докину.

Довезу до ближайшей остановки максимум. Дальше пусть сама чешет.

7

При виде моей рожи взгляд Эммы становится как у затравленной лосихи, на которую направили дуло ружья. Видел такую, когда батя в девять взял меня с собой на охоту.

Блядь, уже во второй раз за день его вспоминаю. Стопудово, это не к добру и опять придётся с ним кусаться за права на завод.

– Не надо, – мямлит она, одновременно давя из себя виноватую улыбку. – Мне ехать далеко. Не хочу отвлекать вас от дел.

И снова она бесит тем, что пытается за меня, взрослую харю, порешать и додумать. То ей, видите ли, денег моих жалко, то времени. Я, что, так похож на долбоёба, который себе в ущерб из трусов будет выпрыгивать?

– Мозги не еби и садись, – чеканю.

Подвозить её уже и не хочется, а вот словесно отпиздить за упёртость и тупость – да. С таким сиротским подходом к жизни будет до конца своих дней жирные морды обсуживать и чаевые в лифчик пихать.

Эмма мнётся – вроде и хочется ей, и колетса. Похоже, ей в детстве хорошенько мозги промыли, что в машины к чужим дядькам садиться нельзя. Так-то может и правильно, но лучше бы она перестала ломаться. Робин Гуд из меня хуйский, и терпение лопається.

– Говномёт свой прикрой, – предлагаю я тётке, которая зло пялится на меня из будки остановки. – Тебя точно не повезу.

– Ты проезд лучше освободи! – тут же взвизгивает она. – Транспорт подъехать из-за тебя не может!

Как меня бесят эти дуры недотраханые. И ведь не была бы такой злой и тупой – ебали бы. Замкнутый, сука, круг.

Транспорт я ей, блядь, загораживаю. Если бы маршрутка не ехала за три пизды отсюда – я вообще хер бы остановился.

Но один плюс от орущей тётки есть. Эмме становится стыдно, и она, забив на препирательства, лезет ко мне в салон. Сообщила.

– Ты чего сложная-то такая, – ворчу я, врубая поворотник. – Чего не коснись – всё со скрипом.

– Мне правда неудобно... – она прячет коленки под плащом и для верности накрывает их ладонями. Видимо, чтобы я не вздумал покушаться.

Вклинившись в поток, поворачиваюсь, чтобы получше её рассмотреть при дневном свете. Ну да, мордашка милая. Неудивительно, что я в возрасте засомневался. Дианке было восемнадцать, когда мы познакомились, но выглядела она старше. А у этой и щёки на месте, и взгляд детский.

– Куда тебе в итоге? – требую я, давая понять, что её компания на вечер меня не интересует.

Если уж взял детокс от алкашки, то и бабам надо на время сказать «стоп». Хотя с этой и ловить нечего: если уж её, чтобы подвезти, надо уговаривать, то до койки – только пинками или волоком тащить.

– Мне в первую городскую, – лепечет она. – Но это далеко отсюда, поэтому можете высаживать меня на ближайшей остановке.

Именно там я и собирался её посадить, но сейчас снова бешусь. Что, блядь, за манера такая – за других думать? Я что, кулик безмозглый?

– А ты, похоже, тащишься от того, как всё у тебя хуёво, да? – я раздражённо кошусь на её профиль. – Чаевые не возьму, хоть и бабки нужны, смена давно закончилась, но я всё

равно подожду, пока наедитесь, в больницу опаздываю, но подвезти себя не дам... Прямо культ пиздостраданий.

7.1

Думаю, что девка возмутится или обидится, как это обычно бывает, или начнёт оправдываться, но не хуя.

– Вы не правы, – спокойно так. – Чаевые я не взяла, потому что у нас в смене был случай, когда клиент потребовал деньги обратно. Это, оказывается, не чаевые были, а он сдачу забыл. Скандал был страшный.

– Так я вроде картой расплатился.

– Ну, мало ли... – она краснеет. – Вы много выпили...

– Пиздишь, – ухмыляюсь я. – Сама сказала, что тебе меня стало жалко, потому что счёт был большой.

– И это тоже. Ничего не могу с собой поделаться. – Она корчит страдальческую физиономию. – Как представлю, сколько всего на эти деньги можно полезного купить, так жалко становится. Меня уже и руководство однажды отругало за то, что я клиенту посоветовала не заказывать дополнительные закуски, потому что он всё равно столько не съест.

– Да ты тот ещё вредитель, – ржу я, отмечая, что разговор с ней меня забавляет. – Любишь свою сопатку сунуть, куда не надо.

– А задержалась я после смены, потому что не хотела терять чаевые, – выпаливает она и, заморгав, отворачивается к окну. Как будто испугалась, что ей за правду прилетит. – Мне кажется, было бы несправедливо, что обслуживала вас я, а деньги бы забрал другой официант.

О как. А соплюха-то не такая блаженная, как я думал. Варит котелок.

– Это ты правильно решила, – одобрительно хмыкаю я. – В следующий раз не куксись и скажи, что смена твоя закончилась и пора рассчитаться. Язык же есть.

– Я постараюсь, – неуверенно мямлит она.

– Ладно, а в тачку чего не садилась? Жених будет ругать? – хер знает, почему я выразился именно так, да и похуй.

– Не знаю. – Она дёргает плечами. – Я вас побаиваюсь.

Вот это заявка. Она меня побаивается, притом что я веду себя с ней как добросердечный батя.

– А чем это я такой страшный?

– Многим. – Она опускает глаза и тербит подол плаща. – Я, когда вас обслуживала в тот день, видела, как вы с девушками... общаетесь.

Общаюсь? А-а-а. Это она, видать, на отсос Алёны намекает. Видела, значит? Я уже и не помню, заходила она тогда в випку или нет.

– Общаюсь так, как они позволяют с собой общаться. Вот ты же сидишь сейчас рядом, но я к тебе руки не тяну и член в рот не пихаю.

Последнее я специально сказал, чтобы её засмущать. Сразу как помидор стала.

– Видите... – Эмма прикладывает ладони к щекам. – Я вся красная. Не зря вас боюсь.

Дешёвое тонюсенькое кольцо на её пальце хочется содрать и выкинуть в окно. Снова приходит мысль, что с такой внешкой она могла бы выглядеть конфеткой – минимальных вложений было бы достаточно. В салон её разок стаскать, по бутикам прокатить.

Прав Эрик: эти полуголодные девки с подносами реально моя ахиллесова пятка. Сразу хочется на чай им побольше сунуть и приодеть.

Нет уж, в пизду. Дианка хоть дала в первый же день, а эта точно будет артачиться. И тоже ведь целка, наверняка. Ну е-маё.

Настроение моментально портится. Вот реально, на хера мне этот геморрой, когда кругом полно доступных девок, которых ни возить, ни уговаривать не надо. Сами прыгнут в такси и

приедут на все согласные. Серьёзного я точно с ней заводить не собираюсь, а значит не хрен тратить время. Захочется благотворительностью заняться – вкину бабок в какой-нибудь фонд. Их сейчас как собак нерезанных.

– А вы сами куда собирались ехать? – снова пищит Эмма. – По работе, да?

– На автомойку, – буркаю я, ища глазами, где припарковаться.

Встаю на обочине, втыкаю аварийку и открываю приложение такси. Куда ей там? Первая горбольница?

– Что-то случилось? – переспрашивает она, нервно заёрзав на сиденье.

Убедившись, что тачка будет в ближайшие минуты, я швыряю телефон на консоль и отваливаюсь назад.

– Такси тебе вызвал. Дальше нам не по пути.

8

Просыпаться без привкуса кошачьей ссанины во рту непривычно.

Не открывая глаз, шупаю рукой рядом и не нахожу ничего, кроме простыни. Заебись, что не нужно ни с кем знакомиться. Уснул трезвый и проснулся один.

Переворачиваюсь на спину и пялюсь в потолок. Башка ватная: то ли это откат от долгоиграющих пьянок, то ли из-за таблетки от аллергии, которую Эрик сунул.

Проблемы у меня начались с засыпанием. Алкашка хоть как-то в этом смысле спасала, а на сухую пробовать бесполезно. Лежишь как дятел, палишься в стену, а сна ни в одном глазу. А вчера как таблетку проглотил, так через пятнадцать минут отрубился и только сейчас очнулся.

Выгрузившись из койки, топаю на кухню за кофе. Дом вчера напидорили до блеска, даже вонь сигаретная исчезла. Непривычно даже. Чисто и тишина гробовая, как в мавзолее. Чихнёшь – эхо покатится.

Чашку загружаю в лоток, тычу в двойной американо и жду.

За окном, как назло, пасмурно и депрово, и снова мелькает мысль, что неплохо съебать на Кубу. Если бы не завод, уже бы в аэропорт катил. Наши зима и осень – это, блядь, только для стрессоустойчивых. Сначала терпишь три месяца дождей и серости, потом ещё четыре – мерзнешь и говно ногами месишь.

И ведь хуй куда переедешь. Везде, где круглогодично тепло, люди тупые. Ну а хуле им мозги напрягать? Банан укусил, листом пальмы прикрылся и дрыхнешь на пляже. А в нашем ебучем климате вечно надо жопу надирать и изгаляться, чтобы от холода и голода не сдохнуть. Хотя по мне лучше так, чем быть тупым и ленивым.

Первую чашку опорожняю залпом. Пока кофемашина пыхтит со второй, иду к холодильнику. Там ожидаемо нет ни хуя, кроме минералки, яиц и вялого авокадо.

Захлопываю дверь и возвращаюсь за стол. Дианка бы из этого говна что-нибудь соорудила. Была у неё коронка: яйца-бенедикт. Я вкуснее даже в рестике не ел.

Снова становится тошно, поэтому я быстро допиваю кофе и прусь в душ. Надо башку поскорее занять чем-нибудь, а то день закончится как обычно: с бутылкой в руке и шлюхой под боком.

Через полчаса выезжаю из посёлка. Вместо новостей врубаю какое-то дебильное музло и погромче, чтобы развеять подкрадывающуюся депрессию.

Когда музло не справляется, тянусь к трубке, чтобы набрать Эрику. Он в это время всё равно ни хуя толкового не делает – в лучшем случае Тамару гоняет за кофе и рубится в пасьянс. А мне срочно надо отвлечься.

Но стоит взять мобилу в руку, та начинает вибрировать.

При взгляде на номер я готов биться башкой об руль. Да еб твою мать. Стоило только старого пидараса из бана выдернуть, как он тут же нарисовался. А я ведь вчера как чуял, что появится. Денег батя умеет тратить быстрее любой продажной бабы.

8.1

- Доброе утро, – говорю так, чтобы ясно было, что оно ни хера не доброе.
- Ну и чего ты, Костя, шкеришься от меня по-пиздюковски? – подъебывает батя сходу.
- Вот же, ответил. Уже бабки кончились?
- Да чего ты сразу за бабки начинаешь? Может, я с сыном поговорить хочу. Поговорить он хочет, ага, как же. Может еще мороженого вместе съедим?
- Говори. Дела у меня в порядке. Как сам.
- Да вот, по городу катаюсь. Думаю, к тебе заехать.
- Я не дома.
- Так я и не домой, а на завод.

Челюсть противно скрипит. Опять двадцать пять. Уже, сука, не знает, как мне бы кровь свернуть, чтобы бабок побольше выкружить. Я и так ему за две недели месячную прибыль слил. Задницу он, что ли, этими бумажками подтирает?

И ведь хер что сделаешь. По факту завод на нём, и похуй, что я и Эрик почти пятнашку ебашили, чтобы его в порядок привести.

– Бать, просто скажи, сколько надо, чтобы ты навсегда отвял? После подпишешь договор об отказе прав на завод и делай что хочешь.

– Какой ты умник, – недобро цедит он. – Родного отца от дел отшиваешь? Я за этот завод полжизни жопу рвал.

Я ржу. Ебучий театрал. Полжизни жопу он рвал. Это говно полуразрушенное они с братвой отжали у одного дедка-коммуниста, а позже батя его сына прессанул, чтобы на него переписал. Переписать-то переписал, а что делать с ним, так и не придумал. Пять лет завод тупо как склад стоял.

– Мне-то можешь не втирать. Я все твои дела уличные знаю. Подумай головой своей, куда ты лезешь. Ну сядешь ты в кресло, и хуле? Ты, блядь, знаешь, что такое дуговая сварка? А сколько стоит заменить редуктор?

– Разберусь.

– Разберёшься ты, – зло ухмыляюсь я. – Если надумаешь зад пристроить в моём кабинете, я в цехах камня на камне не оставлю. Примешь завод в том же состоянии, в котором он был: с плесенью и мышинным говном.

– А ты я, смотрю, забронзовел в моё отсутствие, – с наездом шипит батя в ответ. – Хочешь к юристам пойти – пойдём. Я с человечком из налоговой на днях подскачу, проверим выручку за пятнадцать лет и бумаги. Посчитаем, сколько ты мне должен. И дальше поговорим.

Я стискиваю руль и зубы. Ну что за чушпан. Ещё и угрожает.

– Притащишь налоговую – я тебя найду и лично ногами отмудохаю, как ты меня в тринадцать. И не посмотрю, что ты немощный хер с больными почками. Завод – это, блядь, всё, что у меня осталось. Если надо будет – вырву зубами.

Выплюнув это, сбрасываю вызов, пока этот хуй не вякнул что-то в ответ. Меня натурально трясёт от бешенства. Я этому гондону ещё ремонт в хате сделал перед откидкой. Бригаду дельную нашли, чтобы за две недели полы поменяли, всю технику и мебель. Тачку новую из салона прямо к зоне подогнал – думал, старому козлу будет приятно. А он мне налоговой угрожает, пидор.

Резко выкрутив руль, объезжаю подрезавшую меня китайскую электричку, и открываю окно.

– Куда ты прешь, сука?! Чего ты мне там показываешь? Давай-ка, прижмись!! Я тебе шас этот палец в анал запихаю!

Пиздюк за рулём давит на тормоза, чтобы поотстать. Я сплёвываю и закрываю окно. Ссы-кун, блядь. Как подрезать и палец достать на скорости – это мигом, а как за это в челюсть словить – так сразу заднюю.

В таком сучьем настроении приезжаю на завод. Эрик чует, из-за чего я на взводе, крутится вокруг меня и так и сяк. Его можно понять: он здесь реальные деньги получает, а не инженерские копейки в политехе. Две квартиры купил, хату в Турции, дети – в частных школах. Наезды отца ему тоже поперёк горла.

На нервяке начинает хотеться выпить. И три сигареты, раздавленные в курилке работают, не помогают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.